

Самойлов Давид
(1926)

01.06.06

Новые известия. – 2006. – 1 июня. – С. 5

Давидова праща

Сегодня стране откроют
неизвестного знаменитого поэта

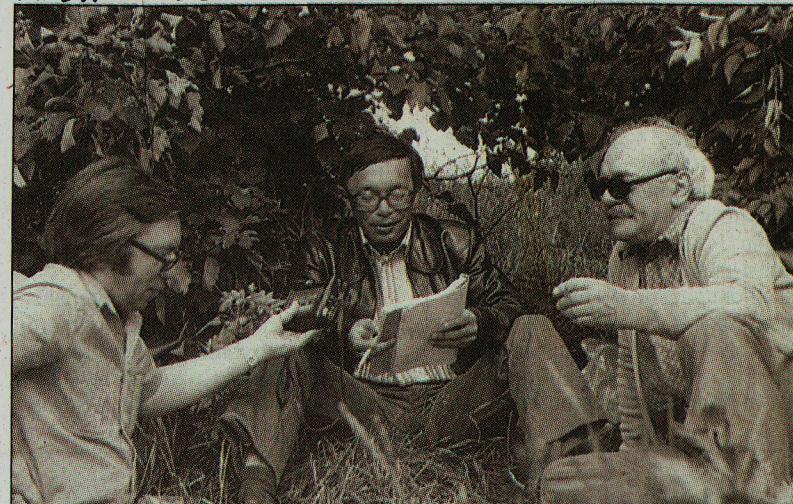
Михаил Поздняев

Выдающийся русский поэт Д.С. Самойлов любил отмечать свой день рождения в столичном Доме литераторов. Сперва его друзья актеры читали самойловскую «Классику» – «У зим бывают имена», «Сороковые-рековые», «Снегопад», «Сон о Ганнибале»... А потом он сам читал новое, сочиненное за «отчетный период» в Пярну, городке на берегу Балтики. 16 лет назад, со смертью мастера, эта традиция прервалась. Но сегодня в ЦДЛ, как встарь, – его вечер, названный нисколько не символически: «Неизвестный Самойлов». Зрителям будут представлены полное собрание его поэм и вышедший в «Новой библиотеке поэта» том стихотворений. Половина из 900 произведений публиковалась в периодике посмертно, а более 60 – печатаются впервые.

Издание всех поэм Самойлова (а в этом жанре в 70–80-х он был явным лидером) – дело благое. Но о томе стихов разговор особый. И спасибо надо сказать уже не составителям и издателям, а ему. Кто ценит стихи в России и видит, что поэтическая территория сегодня подобна тихой заводи, хоть и щедро осыпанной лавровым листом, воспримет выход этой книги как возмущение спокойствия. Как возмущали его в середине 70-х самойловские «Волна и камень» и «Весть». Нет, есть и достойные имена, и яркие сборники, и премии по заслугам, однако, вспоминая Д.С.: «Все есть в стихах: и то, и это, / Но только нет судьбы поэта, / Судьбы, которой обречен, / За что поэтом наречен».

Ему была подарена такая судьба, «выпало счастье быть русским поэтом». Хотя и в этих строках, сложенных в 81-м, и вообще всегда он о своих свершениях говорил в прошедшем времени, а не в будущем, как шестидесятники. Теперь выяснилось: он-то и обогнал время. Из книги веет таким жаром, что в те три вечера, когда я (смею сказать, друживший с Д.С.) читал и наизусть памятные, и не известные мне стихи, вынужден был время от времени выбегать на улицу – остудить кровь. А возвращаясь к столу, думал: какое счастье, что он все это написал и что мы все это можем прочесть! Здесь и сейчас!

Среди впервые публикуемых есть шедевры. Д.С. терпеть не мог антологий, этих «братьских могил», но антологию

В гостях у Самойлова в Пярну – Владимир Лукин (слева) и Юлий Ким. Конец 70-х гг. Фото из архива автора. Публикуется впервые.

гия русской лирики прошлого века теперь немыслима без «Бандитки» 1944 года – баллады о том, как автор вел расстреливать пленную бандеровку, и спор между ними перекликается с «Тарасом Бульбой», и с будущим Майданом...

Критики неизменно отмечали историзм мышления Самойлова. Акцент при этом делался на его интересе к истории как таковой – то есть к прошлому, наводящему на некие аллюзии. Суть в другом: Д.С., не бывший диссидентом, но друживший со многими из них, верил: каждый поступок, слово, взгляд, помысел отпечатываются в истории, как в лаве Помпей. И ответ придется нести за все.

Он носил имя пастушка, ставшего величайшим пророком и поэтом. Пастушок пас овец и швырял камушки

из пращи, указывая овцам дорогу. Но однажды камень, пущенный Давидом, поразил великана Голиафа (чье имя переводится как «бунт»). Великан сорок лет глинялся над племенем Давида, его святынями и традициями. Самойлов вышел победителем из битвы с хамами, взвинтовавшимися против российской поэзии. В том числе и с хамами в стихотворческом стане.

Камень, выпущенный им, спустя полтора десятилетия долетел до нас. Событие, сопоставимое со «вторым пришествием» гениев Серебряного века, чьей традиции он следовал, о прерывании которой говорил предельно жестко: «Нету их – и все разрешено». Выясняется, что не все. Посему новая книга Давида Самойлова – факт, выходящий за рамки литературные.

292